

Память

Легенды музыкальной Магнитки

В тридцатые годы для детворы обучение музыке было дерзкой мечтой

Не погрешу против истины, если скажу, что слова «музыкальная школа» у многих моих современников вызывают не самые приятные ассоциации. Те, кому довелось учиться музыке, помнят бесконечные гаммы, которые нужно было играть часами, в то время как другие дети беззаботно бегали во дворе. Если и сгущаю краски, то совсем немного.

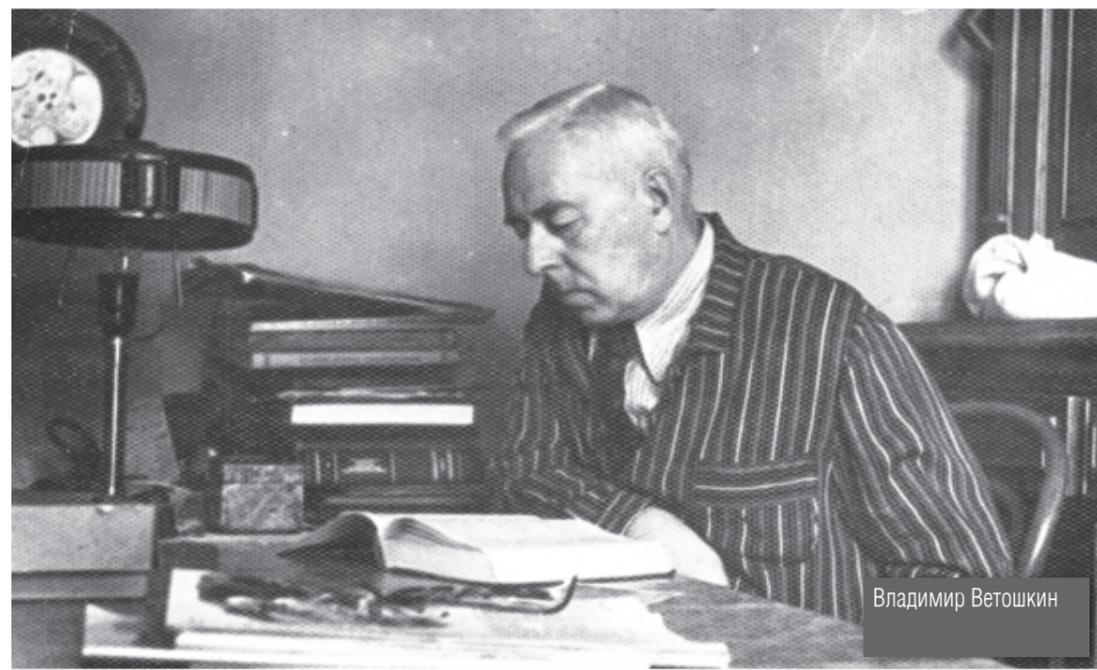
Магнитогорский феномен

В Магнитке 30-х годов такое восприятие учёбы в музыкальной школе было просто немислимо. Этому есть объяснение. Дело в том, что на строительство комбината и города приехало немало представителей интеллигенции старой закалки, воспитанной на культурных традициях губернских и столичных городов. Их дети должны были учиться музыке, дабы получить всестороннее образование. Но на строительстве работало и огромное количество рабочих – бывших крестьян, для которых возможность учиться музыке была неслыханной дерзкой мечтой. Потому и потянулись дети к прекрасному, как только появилась такая возможность. Именно со школы на 5-м участке началась история музыкальной культуры нашего города.

Фактически школа возникла в 1934 году с музыкальных классов при Доме пионеров. Тогда энергичный студент Московской консерватории Михаил Каминский, прервав учёбу, чтобы выполнить задание комсомола в строящейся Магнитке, начал обучать детей игре на фортепиано, одновременно вёл хор и преподавал весь музыкально-теоретический цикл.

В начале 1935–36 учебного года для руководства школой была приглашена квалифицированный методист по музыкальному воспитанию Лия Абрамовна Авербух. Каминский уехал продолжать учёбу, а новому директору пришлось начинать всё сначала, доказывая в инстанциях, что школа уже существует и этот факт подтверждают сами дети вопросами: «Когда начнём учиться?» и «Когда будут записывать?» Преодолев множество трудностей, школа зажила шумной и беспокойной творческой жизнью.

Первые педагоги и учащиеся помнят, как пробивались к бараку по непролазной весенней грязи, с каким трудом в февральские лютые бураны разыскивали среди похожих, как близнецы, бараков свой «храм искусства». Как по очереди учили домашние задания на разбитых роялях старых фирм «Ратке», «Мюльбах» и «Беккер» и ожидали счастливого часа в коридоре, пропахшем гарью печей и мытыми некрашеными полами. Через сорок лет после открытия школы, в 1975 году, известная магнитогорская поэтесса Нина Кондратовская в юбилейной статье написала: «Добрими словами вспоминают выпускники школы первых учителей-энтузиастов, умевших целиком отдавать себя любимому делу. До конца жизни учил ребят старейший педагог школы Владимир Викентьевич Ветошкин, преподаватель по классу фортепиано и руководитель отличного детского хора».

Владимир Ветошкин

Владимир Ветошкин с женой и друзьями

«Музыкант по призванию, по крови...»

Именно таким был Владимир Ветошкин. Музыка для него – и вдохновение, и главное дело жизни. Уже в десять лет он играл почти на всех струнных инструментах, вызывая искреннее восхищение взрослых. Но предметом самых пылких увлечений мальчика был рояль. Этот мелодичный, необычайно певучий инструмент навсегда покорил сердце подростка и определил его дальнейшую судьбу.

В 1920 году он окончил Казанский музыкальный техникум и в маленьком северном городке Халтурине бывшей Вятской губернии, где прошли его детство и юность, начал свою педагогическую деятельность.

В Магнитку Владимир Ветошкин приехал в 1937 году в возрасте 43-х лет, будучи уже зрелым педагогом. Начал ра-

боту в 1-й музыкальной школе. За 27 лет через его умные и надёжные руки прошли сотни учеников. Многие стали профессиональными музыкантами. Но более изумляет тот факт, что ученики Ветошкина, не ставшие музыкантами, даже спустя более полувека помнят его уроки, а музыка стала неотъемлемой частью их жизни. В их числе два врача: доктор медицинских наук москвич Игорь Кузьмин и детский хирург из Череповца Оскар Краузе, который написал замечательные воспоминания о своём учителе музыки:

«Владимир Викентьевич был человеком весёлым, добрым и деликатным. Небольшого роста, седой, лёгкий, крепкий, с большим хрящеватым носом в красных прожилках. Всегда открытый, доброжелательный, удивительно к себе располагающий. Это один из лучших людей, встреченных мной в жизни. Никогда не забуду первого урока музыки,

который получил у него. Я тогда был невероятно застенчив, не мог вымолвить в чужих людях ни слова. Но он и не ждал моих осмысленных ответов. Он всё время шутил, причём мне было так легко и смешно, что все мои усилия были направлены на то, чтобы не расхохотаться в открытую. Первым делом он на моих глазах разломал пианино! Оказалось, что можно легко удалить не только передние стенки, но и планку над клавиатурой, да саму крышку над клавишами вместе с ней. И всё стало видно. Потом он это моментально всё собрал, пианино вновь было цело. Он сыграл для меня что-то лёгкое и быстрое. Я был в восторге! Не мог дождаться следующего урока! На одном из уроков он показал мне свою кисть с белеющим мощным мышечным бугром между первым и вторым пальцем: это была рабочая кисть пианиста. Потом я всё присматривался к своей тощей мышце – растёт ли она? Уже на первых уроках он просил подобрать по слуху какую-нибудь мелодию. А я их знал огромное множество, благодаря отцовской фонотеке. И, едва вернувшись домой с урока, бежал к пианино подбирать мелодию. Вообще учение в музыкальной школе, благодаря педагогическому

Оскар Краузе – засл. врач РСФСР

гению Владимира Викентьевича, я воспринимал не как работу, а как лёгкую и приятную игру. Я его обожаю! Он внушал, что «я сам лучше всех слышу то, что играю, что каждый исполнитель имеет право на свою трактовку», но при этом незаметно поправлял мои излишества. Однажды он деликатно намекнул мне, что при исполнении музыка должна исходить из пальцев, а лицо свое при этом лучше придерживать и языку лучше быть не снаружи, а во рту. У него и подпись была не как у всех – удивительно красивая: три «В», где букву «В» изображал скрипичный ключ... В первые военные зимы он начал на Березках вести занятия местного хора в филиале музыкальной школы, на улице Щорса, примерно там, где в своё время была парикмахерская и столовая для иностранцев. Помню, мы исполняли хоры из оперы «Снегурочка», пели каноны. И, конечно, разучивали новый гимн Советского Союза.

Я часто бывал в доме Ветошкиных. Ученики Владимира Викентьевича были как бы членами его семьи. В военные годы меня, часто голодного, особенно после ареста мамы, здесь кормили. Учитель, чтобы снять моё напряжение, начинал приговаривать, как восточный торговец, угощая меня картофельными лепёшками из очисток или мороженой картошки: «Кому подошвы? Подходи! Мужской, дамский – есть любые!» Владимир Викентьевич был учеником А. Г. Рубаха, а тот – учеником Н. А. Римского-Корсакова. «Так что я, – говорил Ветошкин, – в музыкальном отношении внук Римского-Корсакова, а ты – правнук». Это был прирождённый педагог с макушки до пят. Другого такого учителя я уже не встречал».

С Магниткой до конца

Владимир Викентьевич с супругой Анастасией Никифоровной жили в доме по улице Чайковского в скромной двухкомнатной квартире. Главной достопримечательностью был великолепный рояль «Беккер», который после смерти хозяина, согласно завещанию, был подарен его ученице Тамаре Головашовой.

У Ветошкиных было два сына, и оба подавали большие надежды как музыканты. Но судьба распорядилась иначе. Старший Илларион – талантливый пианист – погиб в декабре 1944 года в Венгрии. Младший Виктор очень успешно учился в музыкальной школе по классу скрипки, за что был премирован путёвкой в «Артек». Но после получения похоронки на брата к скрипке больше не прикасался. Инженером много лет проработал на ММК. В декабре 2004 года его не стало.

Владимир Викентьевич скончался в 1964 году в возрасте 70 лет. Проводить его в последний путь пришли не только музыканты. Ветошкина в городе знали и любили многие.

С тех пор прошло более полувека. Но благодарные ученики помнят своего талантливого педагога. Хранят память о нём музеи музыкальной культуры консерватории и школы искусств № 1.

Ирина Андреева,
краевед